351
38

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Бенешевичъ, В Н. Каноническій сборникъ XIV титуловъ со второй четверти VII вѣка до 883 г. Къ древнѣйшей исторіи источниковъ права греко-восточной церкви С.-Пб. 1905 (334+XIII) Приложенія къ изслѣдованію. Каноническій сборникъ XIV титуловъ со второй четверти VII в. до 883 г. С.-Пб. 1905 (стр. 101)

Во *введеніи* къ своему изслѣдованію о каноническомъ сборникѣ въ XIV титулахъ г. Бенешевичъ объясняетъ читателю важность того періода времени, на который падаетъ литературная судьба названнаго сборника, начиная съ момента его первоначальнаго появленія до переработки его въ 883 году. Важнымъ и интереснымъ представляется автору этотъ періодъ времени (послѣ Ираклія до Василія Македонянина) потому, что, приблизительно на протяженіи 250 лѣтъ, наблюдается почти полное отсутствіе императорскихъ новеллъ по дѣламъ церковнымъ, каковое отсутствіе не есть фактъ случайный, который находилъ бы себѣ объясненіе просто въ недостаточности нашихъ свѣдѣній о содержимомъ массы неизслѣдованныхъ еще рукописей и архивныхъ документовъ (стр. VI). А „въ исторіи источниковъ церковнаго права Византіи", разсуждаетъ авторъ, „особенно важнымъ и интереснымъ представлялся бы такой періодъ, когда правообразованіе въ церкви, закрѣпленное уже въ офиціальный codex canonum, было бы силою обстоятельствъ освобождено отъ непосредственнаго властнаго и подчасъ грубаго вмѣшательства со стороны „благочестивѣйшихъ царей". Дѣло въ томъ, что συνάδουσαι καὶ ἐπικυροῦσαι τοὺς τῶν ἁγίων πατέρων ἐκκλησιαστικοὺς κανόνας (coll. 25 capit.=συνάδουσαι ἐξαιρέτως τοῖς θείοις κανόσι καὶ ἐκ περιουσίας τὴν οἰκείαν ἰσχὺν νέμουσαι—coll. 87 capp.), императорскія διατάξεις νόμων πολιτικῶν въ области отношеній, практически довольно точно отграниченной (περὶ ἐπισκόπων καὶ κληρικῶν καὶ

12

πραγμάτων ἐναγῶν, ἔτι δὲ καὶ ἰουδαίων καὶ αἱρετικῶν: coll. tripart.), имѣли общецерковное значеніе и воздѣйствовали supplendi vel adjuvandi vel corrigendi juris gratia на нормы, запечатлѣнныя въ самой внѣшней формѣ своего выраженія ореоломъ святости и формально надѣленныя авторитетностью, выходящею за предѣлы человѣческихъ расчетовъ и вліянія. Если бы такой важный факторъ правообразованія въ церкви оказался устраненнымъ или оттѣсненнымъ на задній планъ, то сама церковь должна была бы принять на себя выполненіе функцій, принадлежавшихъ ранѣе актамъ императорскаго законодательства" (стр. V). Не будемъ останавливаться на нѣкоторой неточности, допущенной авторомъ относительно области дѣйствія императорскихъ законовъ, „практически довольно точно отграниченной". Даже и collectio tripartita, которая дѣйствительно озаглавлена: „сводъ сказаннаго въ кодексѣ, дигестахъ и новеллахъ о епископахъ, клирикахъ, монахахъ и священныхъ вещахъ, а также объ іудеяхъ и еретикахъ", не вполнѣ оправдываетъ этотъ свой заголовокъ, потому что въ первомъ же титулѣ оказываются законы, содержащіе въ себѣ изложеніе православной вѣры (ἔκθεσις τῆς ὀρθοδόξου πίστεως). Что же касается сборника въ 87 главъ, составившагося изъ новеллъ Юстиніана, въ особенности изъ 123 новеллы, то о немъ трудно было бы сказать, что содержащееся въ немъ законодательство ограничивается областью отношеній, „практически довольно точно отграниченною", такъ какъ новеллы Юстиніана глубоко вторгаются во внутренній порядокъ церковной жизни, не довольствуясь внѣшнимъ, такъ сказать, опредѣленіемъ круга вѣдомства церковнаго суда, правъ и привилегій духовенства и законодательствомъ объ іудеяхъ и еретикахъ.

Не будемъ останавливаться и на другой неточности, допускаемой авторомъ, когда онъ говоритъ о правообразованіи въ церкви, „закрѣпленномъ уже въ *официальный* codex canonum". Дѣло тутъ идетъ, очевидно, не о томъ каноническомъ матеріалѣ, который закрѣпленъ въ извѣстномъ 2-мъ правилѣ трулльскаго собора, такъ какъ трулльскій соборъ состоялся въ концѣ VII в., а авторъ имѣетъ въ виду эпоху, начинающуюся со второй четверти VII в. Вдобавокъ относительно трулльскаго собора мы узнаемъ отъ автора интересное свѣдѣніе (стр. VII), подкрѣпляемое въ изслѣдованіи достаточнымъ историческимъ аппаратомъ, что „трулльскій соборъ въ своемъ правилѣ 2-мъ попытался закрѣпить своимъ авторитетомъ такой составъ правилъ, который очень существенно отступалъ и отъ бывшаго уже дотолѣ въ употребленіи, и отъ первоначальнаго, и который, какъ

новшество, обязанное своимъ появленіемъ лишь обстоятельствамъ времени созванія собора, не оказалъ никакого вліянія (!) на послѣдующія формы сборника: значеніе его въ установленіи состава правилъ такое же, какъ и любого изъ раннихъ каталоговъ каноническихъ книгъ ветхаго и новаго завѣта для образованія состава ихъ принятаго церковью". Однако, если не трулльскій, то какой же иной, болѣе ранній составъ правилъ могъ бы быть называемъ офиціальнымъ? Можетъ быть, συναγωγή Іоанна Схоластика? Но этотъ сборникъ составленъ былъ Схоластикомъ еще въ то время, когда составитель проживалъ въ Антіохіи, не занимая офиціальнаго положенія патріарха константинопольскаго. Даже и сдѣлавшись патріархомъ, Схоластикъ не сообщилъ своему сборнику офиціальнаго авторитета, потому что вскорѣ же появляется сборникъ изъ XIV титуловъ, не только построенный на другой системѣ, но и съ точки зрѣнія матеріальнаго состава включившій въ себя много новаго, сравнительно съ тѣмъ, что было „закрѣплено" въ сборникѣ Схоластика. Можетъ быть, этотъ новый, по новой системѣ построенный и новымъ содержаніемъ обогащенный, канонический сборникъ получилъ офиціальный авторитетъ? Но мы не знаемъ даже и едва ли когда-нибудь узнаемъ, кто и когда его составилъ, и до сихъ поръ еще никто не отваживался доказывать, что канонический сборникъ въ системѣ XIV титуловъ былъ составленъ какимъ-либо офиціальнымъ лицомъ, не считая, конечно, тѣхъ, которые, вопреки всѣмъ историческимъ даннымъ, смотрятъ на такъ называемый номоканонъ въ XIV титулахъ, въ цѣломъ его составѣ, какъ на произведеніе патріарха Фотія. Къ такимъ изслѣдователямъ и самъ г. Бенешевичъ относится не очень мягко, присоединяя къ массѣ извѣстныхъ доселѣ доказательствъ много новыхъ въ пользу до-фотіевскаго происхожденія системы XIV титуловъ.

Поставивъ вопросъ, не существовало ли въ исторіи источниковъ церковнаго права Византіи такого важнаго и интереснаго періода, когда церковное правообразованіе развивалось бы независимо отъ императорской власти, г. Бенешевичъ, повидимому смущенъ нѣсколько смѣлостью подобной постановки вопроса. „Не обречена ли, однако, уже заранѣе на неудачу", разсуждаетъ онъ, „попытка искать въ исторіи византійскаго церковнаго права свободный отъ вмѣшательства свѣтской власти періодъ, разъ извѣстно, что сборники государственныхъ законовъ по дѣламъ церкви съ VI в. были вводимы въ составъ церковно-правовыхъ сборниковъ, и что церковно-политическія отношенія по существу оставались неизмѣнными?" Но смуще-

ніе тотчасъ же проходитъ, и г. Бенешевичъ отвѣчаетъ: „Нисколько. Подобное возраженіе имѣетъ силу только при молчаливомъ принятіи за аксіому того, что должно быть вопросомъ, а именно, будто эти coll. 25 capp., coll. 87 capp., coll. tripart. оставались всегда и въ неизмѣнномъ видѣ неразрывною частью coll. LX titt., coll. L titt. и coll. XIV titt.; но для дошедшихъ до насъ coll. L titt. и coll. XIV titt. факты говорятъ какъ разъ противное. Съ другой же стороны возраженіе не достигаетъ цѣли, такъ какъ рѣчь идетъ о возможности измѣненія въ сферѣ чисто или по преимуществу правовыхъ понятій и отношеній“ (стр. VI). Послѣдними словами г. Бенешевичъ, какъ нужно думать, желаетъ снова подчеркнуть одну изъ указанныхъ выше неточностей и дѣлаетъ это довольно неудачно: допустимъ дескать даже, что и императорское законодательство составляло неизмѣнную часть каноническихъ сборниковъ, но оно касалось только „сферы чисто или по преимуществу правовыхъ понятій и отношеній“ и не мѣшало „свободному церковному правообразованію“, которое, стало быть, по мысли автора, не связано было съ „сферою чисто или по преимуществу правовыхъ понятій и отношеній“. Но въ такомъ случаѣ позволительно спросить: что же это такое за *правообразованіе*, которое не имѣетъ дѣла съ сферою *правовыхъ понятій и отношеній?*

Изслѣдовавъ по рукописямъ судьбу каноническаго сборника въ XIV титулахъ до 883 г., г. Бенешевичъ пришелъ къ немаловажнымъ выводамъ. По его словамъ, среди большого числа редакцій и изводовъ сборника XIV титуловъ не оказалось ни одной, гдѣ бы содержалась хотя одна новелла изъ указаннаго періода VII—IX в., и даже присутствіе эклоги въ первоначальномъ составѣ синтагмы III редакціи (объ этомъ см. ниже) болѣе чѣмъ сомнительно; а это значитъ, поясняетъ авторъ, что ни одинъ актъ императорской воли въ области церковнаго управленія, когда даже какой-нибудь дѣйствительно и имѣлъ мѣсто, не былъ признаваемъ имѣющимъ значеніе общецерковной обязательной нормы и характеръ какъ бы канонизованнаго свѣтскаго права, подобнаго Юстиніанову въ различныхъ сборникахъ. Такимъ образомъ нашъ авторъ, называя Юстиніаново законодательство „канонизованнымъ“, какъ будто забываетъ раньше имъ сказанное противъ нахожденія Юстиніанова законодательства въ каноническихъ сборникахъ, но за то дѣлаетъ удареніе на отсутствіи послѣ-юстиніановскаго императорскаго законодательства въ редакціяхъ и изводахъ сборника въ XIV титулахъ. Какъ ни важенъ, самъ по себѣ, этотъ выводъ, но авторъ имъ не ограничивается, присоединяя къ нему еще

два вывода, также немаловажные. Изученныя имъ рукописи привели его къ убѣжденію, что періодъ времени VII—IX вв. характеризуется не рабскимъ и тупымъ списываніемъ шаблоновъ, а свободнымъ живымъ стремленіемъ къ усовершенствованію (т. е. по части работъ надъ сборникомъ XIV титуловъ и текстомъ правилъ), и что вся эта творческая работа совершилась внутри православной церкви, такъ какъ не видно нигдѣ никакихъ признаковъ партикуляристическихъ тенденцій въ духѣ какой-либо изъ могущественныхъ ересей VII—IX вв. Наконецъ, и дѣло редактора 883 г. (г. Бенешевичъ увѣренъ, что это былъ патріархъ Фотій) выступило въ глазахъ автора въ иномъ свѣтѣ. „Надо себѣ только представить, говоритъ г. Бенешевичъ, что къ этому времени сборникъ XIV титуловъ существовалъ уже въ многочисленныхъ редакціяхъ, гдѣ, особенно послѣ VII вселенскаго собора, неизвѣстными авторами правила и отеческія и соборныя дополнялись рядомъ апокрифическихъ, подвергались урѣзкамъ, нѣкоторыя были выкидываемы и переставляемы: въ этой массѣ матеріала было тѣмъ труднѣе разобраться, что присутствіе предисловія первоначальнаго автора сборника XIV титт. вовсе не было достаточною гарантіей древности и исправности самой редакціи. Номоканонъ 883 г.—великій актъ самоопредѣленія восточной церкви: онъ знаменуетъ возвращеніе къ древнимъ подлиннымъ основамъ церковнаго строя, какъ онѣ были закрѣплены въ VI—VII вв., но въ духѣ строгаго церковнаго преданія, нашедшаго себѣ выраженіе въ правилахъ соборовъ, начиная съ трулльскаго. Если принять во вниманіе, что для западной церкви такое значеніе имѣлъ лжеисидоровскій сборникъ, характеризующійся какъ разъ противоположными чертами, то съ точки зрѣнія исторіи церковнаго права не будетъ преувеличеніемъ датировать раздѣленіе церквей 883 годомъ“ (стр. VIII—IX). Ниже мы увидимъ, что авторъ значительно умѣряетъ свой восторгъ предъ работой патріарха Фотія надъ номоканономъ въ XIV тит.

Таковы вкратцѣ основныя мысли труда г. Бенешевича, надлежащее мѣсто которыхъ, какъ самъ онъ справедливо говоритъ, должно бы было быть въ самомъ концѣ работы, въ послѣсловіи, и сложность и важность затронутыхъ ими вопросовъ позволила бы даже требовать отъ автора, чтобы это послѣсловіе было не особенно краткимъ. Но г. Бенешевичъ обѣщаетъ освѣтить намѣченныя имъ мысли даже въ особомъ трудѣ; пока же онъ нашелъ нужнымъ дать въ руки читателю ту нить, которая вела автора „въ темномъ лѣсу“. Трудолюбіе и большое библіографическое знаніе автора, конечно, не подлежатъ

сомнѣнію, и можно заранѣе быть увѣреннымъ, что дальнѣйшія его работы по изученію рукописей принесутъ большую пользу наукѣ, какъ и теперь уже нужно считать установленнымъ фактъ исправленія г. Бенешевичемъ многихъ ошибокъ, допущенныхъ въ изложеніи рукописныхъ данныхъ предшествующими изслѣдователями, въ особенности кардиналомъ Питрою. Но, не забѣгая въ будущее, мы должны внимательно всмотрѣться въ то, что содержится въ изданномъ теперь трудѣ, и провѣрить, дѣйствительно ли изложенныя во введеніи „основныя мысли" соотвѣтствуютъ тому, что содержится въ изслѣдованіи, и наоборотъ, дѣйствительно ли тѣ свѣдѣнія, которыя читатель получаетъ изъ книги г. Бенешевича, соотвѣтствуютъ „основнымъ мыслямъ", освѣщавшимъ ему путь въ „темномъ лѣсу", по его выраженію. Это выраженіе могло бы пожалуй подать поводъ думать, что извѣстныя идеи явились у автора еще раньше, чѣмъ онъ приступилъ къ разработкѣ рукописнаго матеріала, а не въ видѣ вывода, полученнаго изъ изученія рукописей, такъ что до извѣстной степени можно бы было упрекать автора за предвзятость взглядовъ. Но мы желаемъ вѣрить искренности заявленія г. Бенешевича, что трудъ его былъ свободенъ отъ всякой тенденціозности.

Въ *главѣ I* содержится историческій обзоръ разработки вопроса съ двухъ сторонъ: со стороны изданій текста и со стороны собственно литературной. Обозрѣвая изданія текста, авторъ начинаетъ съ переводныхъ его изданій (на латинскомъ языкѣ), сдѣланныхъ почти одновременно въ третьей четверти XVI в. Генрихомъ Агилеемъ и Генціаномъ Герветомъ (первый изъ нихъ кальвинистъ, другой католикъ) по соображеніямъ не научнымъ, а церковно-политическимъ, въ связи съ реформаціоннымъ движеніемъ и съ реформаторскою дѣятельностію тридентскаго собора. Далѣе идутъ изданія греческаго текста въ „Bibliotheca juris canonici veteris" Justelli et Voelli, въ Spicilegium Romanum кардинала Маи, въ аѳинской синтагмѣ Раллиса и Потлиса и, наконецъ, во II томѣ „Исторіи и памятниковъ церковнаго права грековъ" кардинала Питры. Авторъ отмѣчаетъ недостатки этого послѣдняго изданія, которое, по сравненію съ предыдущими, есть наиболѣе совершенное, и общее впечатлѣніе отъ изданія Питры выражаетъ такъ: „Питра не далъ научнаго изданія номоканона, а только отчасти облегчилъ работу будущимъ дѣятелямъ на этомъ поприщѣ, и въ частности дофотіевскій номоканонъ оставленъ имъ въ спискахъ безъ вниманія" (стр. 17), что, конечно, не совсѣмъ точно. Можно жаловаться на то, что Питра воспользовался только двумя рукопис-

ными кодексами, въ которыхъ содержится притомъ уже не первоначальный составъ (но все-таки дофотіевскій), и не выработалъ себѣ правильнаго критерія для различенія позднѣйшаго отъ первоначальнаго, вообще можно находить попытку Питры отдѣлить въ номоканонѣ дофотіевскій составъ отъ состава 883 г. несовершенною и неудавшеюся, но это не значитъ, что дофотіевскій номоканонъ оставленъ Питрою безъ вниманія. Скобки, въ которыя Питра заключилъ добавленія 883 г., во всякомъ случаѣ не свидѣтельствуютъ объ оставленіи имъ безъ вниманія дофотіевскаго номоканона. Неудовлетворительнымъ находитъ также г. Бенешевичъ и изданіе Питрою текста каноническихъ правилъ, которое также имѣло свою исторію въ наукѣ, начиная съ Филиппа Меланхтона и кончая Беверегіемъ, аѳинской синтагмой и тѣмъ же Питрою. Недостатки послѣдняго, отмѣчаемые г. Бенешевичемъ, не считая неправильнаго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чтенія рукописей и массы незамѣченныхъ опечатокъ, состоятъ въ томъ, что, хотя Питра идетъ дальше Беверегія, привлекая болѣе 50 списковъ новыхъ и разнообразныхъ по своему составу, притомъ большею частію не моложе XII в., но онъ не сдѣлалъ различія „ни между варіантами важными или существенными и пустячными, ни между списками, о важности которыхъ не было, повидимому, другого критерія кромѣ ихъ древности“ (стр. 25). Объ этомъ, конечно, нужно жалѣть, такъ какъ едва ли въ скоромъ времени появится новое, болѣе совершенное, изданіе текста каноническихъ правилъ, которое избавило бы насъ отъ необходимости обращаться къ Питрѣ.

Вторая половина первой главы, какъ сказано, посвящена собственно литературной исторіи вопроса, которымъ занятъ авторъ, при чемъ онъ, однако, ограничивается только тѣми изслѣдователями, которые двигали самостоятельно изслѣдованіе вопроса, оказывая болѣе или менѣе плодотворное вліяніе на его развитіе (Бинеръ, Розенкампфъ, оба Геймбаха, Биккель, Мортрейль, Питра, Цахаріэ фонъ-Лингенталь). Результаты предшествующихъ работъ надъ первоначальною исторіей сборника XIV титуловъ оказываются довольно скромными. Одинъ пунктъ, не возбуждающій сомнѣній, это—что составитель сборника XIV титуловъ жилъ задолго до трулльскаго собора; другой, — что этому автору принадлежатъ какъ систематическая (XIV тит.), такъ и хронологическая (собраніе каноновъ) части сборника. „Но какъ только спросимъ“, говоритъ г. Бенешевичъ, „объ обстоятельствахъ появленія сборника и его первоначальномъ составѣ, даже о составѣ предисловія, принадлежащаго составителю, немедленно начинаются противорѣчія,

недомолвки, произволъ, и остается единственный конечный выходъ—jurare in verba magistri". Мало того, даже и по отношенію къ первому изъ вышеозначенныхъ пунктовъ, г. Бенешевичъ вынужденъ былъ, въ виду появленія уже въ новѣйшее время такихъ сочиненій, какъ іеромонаха Каллиста, доказывающаго принадлежность патріарху Фотію цѣлаго номоканона, вмѣстѣ съ обоими его предисловіями, прочитать нѣкоторую нотацію писателямъ изъ грековъ, которые и въ будущемъ могутъ оказаться способными поддерживать гипотезу объ авторствѣ Фотія, несмотря на всю ея „химеричность". Со стороны грековъ, говоритъ г. Бенешевичъ, было бы „гораздо патріотичнѣе доказать, что Фотій могъ написать *нѣчто гораздо лучшее, чѣмъ приписанный ему сборникъ*, да это было бы пожалуй не только болѣе правильнымъ исторически, но и болѣе полезнымъ для изученія исторіи сборника" (стр. 48). Итакъ г. Бенешевичъ не принадлежитъ къ числу восторженныхъ почитателей номоканона, хотя и назвалъ его раньше „великимъ актомъ самоопредѣленія восточной церкви". Но, осуждая попытки отстоять авторство Фотія по отношенію къ цѣлому номоканону въ полномъ его составѣ, г. Бенешевичъ, не взирая на заявленныя уже въ существующей литературѣ возраженія противъ всякаго участія Фотія въ номоканонѣ, остается на той точкѣ зрѣнія, что переработка, о которой говорится во второмъ предисловіи, и которая въ самомъ этомъ предисловіи датирована 883 годомъ, была дѣломъ именно Фотія. Строго говоря, по предположенію г. Бенешевича, работѣ 883 г. предшествовала еще болѣе ранняя работа, въ которую включены были правила соборовъ до двукратнаго включительно, но не было еще правилъ собора 879 года, и обѣ эти работы были исполнены патріархомъ Фотіемъ (стр. 99). Изъ возраженій, выставленныхъ противъ всякаго участія Фотія въ составленіи номоканона, г. Бенешевичъ считается только съ однимъ, и притомъ такъ, что остается мѣсто для сомнѣній въ основательности опроверженія. Заслуга обработки чужого труда, говорилъ Цахаріэ, настолько незначительна, что она едва ли можетъ считаться достойною столь ученаго и высокопоставленнаго мужа, какъ Фотій. На это г. Бенешевичъ отвѣчаетъ, что не зачѣмъ измѣрять заслуги тамъ, гдѣ человѣкъ руководился не тщеславіемъ, а сознаніемъ долга, и что присоединеніе новыхъ правилъ въ составъ сборника, имѣвшаго особое значеніе для всей восточной церкви, было дѣломъ вовсе не маловажнымъ, да и не легкимъ. Но въ томъ-то и вопросъ, дѣйствительно ли внесеніе въ номоканонъ какихъ-либо новыхъ статей было непремѣннымъ условіемъ ихъ обязательной силы?

Мнѣ уже приходилось указывать (Учебн. церк. пр. изд. 1902 г., стр. 166—167) на то, что византійскіе каноническіе сборники и славянскія кормчія книги наполнялись разными статьями безъ справокъ о томъ, принята ли въ номоканонъ та или другая статья. Г. Бенешевичъ ссылается на древнее преданіе объ авторствѣ Фотія, которое не только не опровергнуто, но усиливается при ближайшемъ ознакомленіи съ матеріаломъ (стр. 100). Изъ ближайшаго ознакомленія съ матеріаломъ дѣйствительно выясняется теперь неосновательность мнѣнія, что Вальсамонъ былъ *первымъ*, кто связалъ номоканонъ въ XIV тит. съ именемъ Фотія, какъ его автора. Оказывается, что въ іерусалимской библіотекѣ сохранился списокъ номоканона отъ X вѣка, въ которомъ имѣется ἕτερος πρόλογος Φωτίου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως. Относительно нѣкоторыхъ другихъ кодексовъ X—XI вв. заявлено сомнѣніе, не есть ли въ нихъ имя Фотія при второмъ предисловіи позднѣйшая прибавка (стр. 53)? Но съ другой стороны, существуетъ ватиканскій кодексъ отъ X вѣка, въ которомъ второго предисловія нѣтъ, а напротивъ первое предисловіе стоитъ съ именемъ патріарха Фотія (стр. 54—55). Если сохранившіеся списки отъ X в. принадлежатъ концу этого столѣтія, такъ что между составленіемъ номоканона въ 883 г. и перепиской конца X в. прошло около столѣтія, то на протяженіи столѣтія могли явиться совершенно превратныя, не соотвѣтствующія исторической дѣйствительности, представленія. За примѣрами ходить недалеко: вспомнимъ о смѣшеніи трулльскаго собора съ шестымъ вселенскимъ, или о быстромъ распространеніи номоканона съ именемъ Іоанна Постнаго. Въ особенности неудачными слѣдуетъ признать попытки г. Бенешевича привлечь Никона Черногорца и Ѳеодора Веста, въ качествѣ свидѣтелей въ пользу авторства Фотія. Никонъ Черногорецъ, по мнѣнію г. Бенешевича, свидѣтельствуетъ объ этомъ авторствѣ... своимъ молчаніемъ: по поводу „глаголемаго Постникова номоканона“ онъ высказалъ рядъ критическихъ замѣчаній, и „непремѣнно слѣдовало бы ожидать, что онъ не оставилъ бы безъ разбора и опроверженія подобнаго же рода заблужденіе относительно гораздо болѣе важнаго сборника, если бы неодинаковость способовъ обозначенія автора или полное молчаніе другихъ списковъ вызывали въ немъ какое-нибудь сомнѣніе“. Этого мало. По мнѣнію г. Бенешевича, не молчаніе только, а и собственная манера выраженія Никона Черногорца позволяетъ думать, что онъ не дѣлаетъ различія между Фотіемъ и авторомъ номоканона XIV тит. (стр. 56). Но нужно было бы сначала доказать, что въ Сиріи, во

времена Никона Черногорца (около половины XI в.) были распространены номоканоны съ именемъ Фотія, что тамъ хорошо знали исторію и хорошо понимали значеніе лицъ и событій второй половины IX в. Въ XXXIII словѣ своего Тактикона (по Московск. единовѣрч. изд. на обор. 180 л.), говоря о безсловесномъ, т. е. о неразумномъ, съ нарушеніемъ правилъ, постриженіи, Никонъ ссылается на 2 и 5 правила „иже въ Константинѣ градѣ собора въ храмѣ Св. апостолъ *при Игнатіи патріарсѣ*". Такимъ образомъ двукратный соборъ 861 г., который состоялся *при патріархѣ Фотіи*, и къ которому Игнатій былъ привлеченъ въ качествѣ подсудимаго и низложеннаго, у Никона представляется какъ соборъ, происходившій „при патріарсѣ Игнатіи". Трудно также и изъ „собственной манеры выраженія" Никона вывести то, что вывелъ г. Бенешевичъ, именно будто Никонъ не дѣлаетъ различія между Фотіемъ и авторомъ номоканона. Напротивъ, совершенно явственное различіе! Въ примѣч. 1 на стр. 56 у г. Бенешевича говорится: „въ XXXII словѣ Тактикона, приведя текстъ Соф. 2, онъ замѣчаетъ, что тоже правило глаголютъ нѣцыи Фотія быти Константина града, обаче надписавый весь номоканонъ благословну вину такового правила надписа". На самомъ дѣлѣ у Никона въ означенномъ словѣ (л. 174 на обор. и л. 175), по вопросу о невозможности для священнаго лица продолжать священнослуженіе послѣ постриженія въ монашество, говорится: „*правило есть* въ *номоканонѣ* глаголющее аще (приводится второе правило собора въ церкви св. Софіи).. тоже *правило* глаголютъ нѣцыи Фотія быти Константина града, *обаче подписавый весь номоканонъ*, благословну вину такова правила надписа, понеже благословна есть вина, и по чину и уставу церковному его же хощетъ да есть, яко же Богъ о таковыхъ изъяви рекъ: на Моисеовѣ сѣдалищѣ сѣдоша книжницы" и проч. На мой взглядъ, изъ приведенныхъ словъ вытекаетъ совсѣмъ не то, что выводится изъ нихъ г. Бенешевичемъ. Никонъ не знаетъ навѣрное, принадлежитъ ли правило по интересующему его вопросу *собору, или лично патріарху Фотію*, говоритъ, что *правило* это существуетъ или *помѣщено въ номоканонѣ*, а чтобы онъ самый номоканонъ приписывалъ Фотію, на это не сдѣлано ни малѣйшаго намека.—Что касается Ѳеодора Веста, какъ свидѣтеля въ пользу авторства Фотія, дѣло обстоитъ едва ли не еще хуже для г. Бенешевича. Питрою вслѣдъ за двумя предисловіями къ номоканону было издано третье, изъ котораго явствуетъ, что черезъ 207 лѣтъ послѣ работы, произведенной въ 883 г., слѣдовательно въ 1090 г., нѣкоторые пробѣлы вновь восполнены Михаиломъ Севастомъ

черезъ одного изъ подчиненныхъ ему писцовъ Ѳеодора Веста (Pitra II, 449—450). Цахаріэ (Die griechischen Nomocanones въ Mémoires de l' Académie impériale des sciences de S. Pétersbourg, VII série, tome XXIII, № 7, S. 15) перевелъ начальныя слова этого предисловія, въ которыхъ говорится о трудѣ предшественника (γέγονε καὶ ταῦτα καθ' ὃν εἴρηται χρόνον παρ' οὗπερ ἄρα καὶ γέγονεν) такимъ образомъ: „Das vorstehende ist von irgend wem zu der angegebenen Zeit geschrieben worden" и отсюда сдѣлалъ выводъ: „Der Verfasser des Nomocanon von 883 war also nicht bekannt". Г. Бенешевичъ (стр. 57 въ примѣч.) разсуждаетъ: „переводъ долженъ быть нѣсколько иной, вмѣсто von irgend wem правильнѣе было сказать von dem Verfasser (παρ' οὗπερ ἄρα καὶ γέγονεν); но не изъ-за этой неточности приходится усумниться въ правильности вывода: der Verfasser des Nomocan. von 883 war also nicht bekannt, а въ виду того, что Вестъ и свое предисловіе не сопровождаетъ указаніемъ имени, и въ виду схолій при предисловіи автора 883 г., въ Paris. 1319, Vat. 842 и Vatic. Reg 57, изслѣдованіе списковъ Вестовой редакціи, можетъ быть, заставитъ приписать одну изъ нихъ, а то и обѣ Весту". Настанетъ ли когда-нибудь дѣйствительно необходимость приписать Весту позднѣйшую схолію, въ которой упоминается имя Фотія, мы не знаемъ, а пока можно лишь утверждать, что Цахаріэ перевелъ правильно вышеприведенныя слова и сдѣлалъ изъ нихъ правильный выводъ, что, стало быть, писавшему эти слова личность автора второго предисловія (παρ' οὗπερ ἄρα καὶ γέγονεν) была неизвѣстна. Наконецъ, совершенно непонятно, какимъ образомъ г. Бенешевичъ нашелъ возможнымъ сказать, что „Вестъ и свое предисловіе не сопровождаетъ указаніемъ имени:" Вестъ, конечно, не сдѣлалъ того, что дѣлаютъ современные авторы литературныхъ произведеній, предваряющіе свои произведенія предисловіями и подписывающіе подъ этими послѣдними свои имена и фамиліи (хотя бы въ видѣ иниціаловъ только), но въ предисловіи его съ достаточною обстоятельностію сообщается, по чьей иниціативѣ или по чьему распоряженію и кѣмъ исполненъ трудъ.

Впрочемъ, мы забѣжали нѣсколько впередъ, сравнительно съ порядкомъ изложенія въ книгѣ г. Бенешевича, такъ какъ объ авторствѣ Фотія у него говорится главнымъ образомъ въ *главѣ II-й* подъ заголовкомъ: „Установленіе точекъ зрѣнія". Здѣсь, какъ сказано, поддерживается авторство Фотія, т. е. авторство въ смыслѣ переработки труда неизвѣстнаго предшественника, при чемъ представляются основанія 1) въ пользу предположенія о двукратной работѣ Фотія,

2) въ доказательство того, что самъ Фотій, переработывая старую работу, имѣлъ дѣло не съ первоначальнымъ номоканономъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ рукъ перваго составителя въ началѣ второй четверти VII в., а съ переработкой, и притомъ со списками разныхъ редакцій (стр. 94 и сл.). Цѣль г. Бенешевича состоитъ въ томъ, чтобы прослѣдить исторію и установить составъ номоканона въ дофотіевское время,—цѣль не изъ легкихъ, потому что до насъ не дошло списковъ дофотіевскаго времени, за исключеніемъ развѣ одного патмосскаго (стр. 85), такъ что слѣдовательно приходилось достигать этой цѣли, опираясь на рукописи позднѣйшаго времени. Работа редактора 883 г. могла служить только однимъ изъ пособій къ возстановленію первоначальнаго вида сборника, такъ какъ оказалось невозможнымъ держаться такого пріема: выдѣлять изъ редакціи Фотія его прибавки, а остатокъ приписывать первоначальному автору (стр. 96). Средствами къ достиженію цѣли для г. Бенешевича служатъ: анализъ перваго предисловія и обозначенный въ немъ матерьялъ, а также нѣкоторые признаки, по которымъ извѣстные списки, хотя и послѣфотіевскаго времени, должны быть относимы къ дофотіевскому составу. Надобно замѣтить, что г. Бенешевичъ желаетъ установить новую терминологію: получитъ ли она права гражданства, судить трудно. Такъ прежде всего то, что называлось доселѣ вторымъ предисловіемъ къ номоканону (у Питры II, 448—449: Ὁ μὲν παρὼν πρόλογος... πρᾶξιν προήνεγκεν), нашъ авторъ желаетъ называть схоліей 883 г., хотя уже въ одной изъ древнѣйшихъ рукописей (іерусалим. библ. Креста № 2 отъ X в.) она озаглавлена: ἕτερος πρόλογος Φωτίου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως (Каллистъ, Номокан. 116). Для разныхъ редакцій изученныхъ имъ рукописныхъ сборниковъ онъ рекомендуетъ термины: „номоканонъ“, „синтагма“ и „синагога“. Подъ номоканономъ понимается такой составъ XIV титуловъ, гдѣ при главахъ ихъ есть законы,—подъ синтагмой такой, гдѣ законъ отсутствуетъ,—подъ синагогой такой, гдѣ правила не процитированы только по нумерамъ, а выписаны цѣликомъ. На основаніи же расположенія самыхъ правилъ во второй части сборника (т. е. въ синтагмѣ?), авторъ различаетъ номоканоны и синтагмы двухъ видовъ: 1) хронологическія, гдѣ сохраненъ порядокъ первоначальнаго автора, и 2) систематическія, гдѣ произведена разстановка соборовъ (а то и отцовъ церкви) по другой системѣ, замѣчая при томъ же, что хорошо бы придумать другое обозначеніе для этого послѣдняго вида, чтобы не казалось, что хронологическій порядокъ

не есть систематическій (стр. 115). Авторъ такимъ образомъ желаетъ сказать, что хронологическій порядокъ изложенія каноновъ (или законовъ) есть систематическій, съ чѣмъ едва ли можно согласиться. Для избѣжанія громоздкихъ словъ, которыхъ къ тому же недостаточно для всего многообразія явленій, авторъ предпочитаетъ просто различать „номоканонъ I редакціи“ или „синтагму I редакціи“ и т. д.

Такимъ образомъ въ *III главѣ* разсматриваются изученные авторомъ списки въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) номоканонъ I редакціи (хронологическій), 2) синтагма I редакціи, 3) синтагма II редакціи, 4) синтагма III редакціи, 5) номоканонъ II редакціи (систематическій), 6) синагога безъ законовъ I редакціи, 7) книга правилъ I редакціи и 8) книга правилъ II редакціи. Такъ какъ, при установленіи терминологіи, авторъ ничего не сказалъ о „книгѣ правилъ“, то остается неяснымъ, въ какомъ отношеніи послѣдніе два нумера въ приведенномъ перечисленіи (т. е. книга правилъ I редакціи и книга правилъ II редакціи) находятся въ синагогѣ первой редакціи; повидимому, онъ разсматриваетъ „книгу правилъ“, какъ особый опытъ, являющійся въ двухъ редакціяхъ, но тогда непонятнымъ остается, почему синагога названа „синагогою I редакціи“, если никакихъ дальнѣйшихъ редакцій синагоги не оказывается. Подъ рубрикою: „Номоканонъ I редакціи“ сообщаются свѣдѣнія о 38 изученныхъ авторомъ спискахъ, которые всѣ характеризуются слѣдующими чертами: 1) находящіеся послѣ предисловія (т. е. т. н. перваго предисловія) XIV титуловъ снабжены впереди указателемъ всѣхъ главъ. подъ названіемъ τίτλοι τοῦ κανονικοῦ συντάγματος καὶ τῶν ἀρμοζόντων ἑκάστῳ τίτλῳ κεφαλαίων, а въ самомъ текстѣ къ отдѣльнымъ главамъ присоединены послѣ ссылокъ на правила еще выдержки изъ соотвѣтствующихъ по содержанію постановленій гражданскаго законодательства, 2) правила апостоловъ, соборовъ и отцовъ церкви расположены за XIV титулами въ хронологическомъ порядкѣ (эту часть номоканона и принято было до сихъ поръ называть синтагмой). Древнѣйшіе изъ списковъ принадлежатъ X и XI вѣкамъ, по одному для каждаго столѣтія. Несмотря на обиліе списковъ, ни въ одномъ изъ нихъ не содержится номоканона въ его первоначальномъ видѣ; зато авторъ устанавливаетъ четыре извода (recensiones) его и описываетъ въ слѣдующемъ порядкѣ: recensio Photio prototypa, recensio Laudiana, recensio Coisliniana и recensio in partes distributa,—первая изъ этихъ рецензій разсматривается, какъ первоначальный видъ номоканона I редакціи, который, по соображеніямъ автора, долженъ былъ явиться

на свѣтъ въ 629 г. Такъ какъ всѣ, изученные авторомъ списки номоканона характеризуются, какъ сказано, между прочимъ нахожденіемъ въ нихъ императорскихъ законовъ, то очевидно изъ нихъ нельзя почерпнуть ничего въ пользу тезиса, что въ VII в. наступилъ періодъ самостоятельнаго, независимаго отъ императоровъ, церковнаго правообразованія. Тотъ фактъ, что изъ послѣюстиніановскаго законодательства въ сборники для церковнаго употребленія внесены были только новеллы Ираклія, да и то не всѣ, не можетъ ни въ какой мѣрѣ служить доказательствомъ означеннаго тезиса. Предполагать болѣе или менѣе обильное законодательство императоровъ VII и VIII вв. по церковнымъ дѣламъ и ссылаться на то, что законы этихъ императоровъ не дошли до насъ, нѣтъ никакого основанія. Если изъ пяти, извѣстныхъ намъ, новеллъ Ираклія въ сборникъ внесены были только четыре, или если двѣ новеллы Юстина II, новелла Маврикія и новелла Фоки, о которыхъ имѣются историческія свѣдѣнія, не были включены ни въ одинъ изъ церковныхъ сборниковъ, то не нужно забывать, что нѣтъ ни одного сборника, въ который были бы внесены *всѣ* юстиніановскіе законы по церковнымъ дѣламъ. Напр. въ coll. XXV capp. внесены были далеко не всѣ законы даже изъ первыхъ четырехъ титуловъ первой книги, не говоря о другихъ титулахъ, а въ coll. LXXXVII capp. вошли не только не всѣ новеллы Юстиніана, но далеко не всѣ главы даже и тѣхъ новеллъ, которыми воспользовался составитель. Объяснять это нужно не тѣмъ, что составитель одни законы считалъ пріемлемыми, напротивъ другіе непріемлемыми, а просто тѣмъ, что, по его субъективному взгляду, тѣ или другіе законы представлялись болѣе практически важными, и притомъ болѣе подходящими по содержанію къ каноническому матеріалу, принятому въ сборникѣ. Относительно постановленія, распоряженія или закона Фоки, свѣдѣнія о которомъ сообщаются у Анастасія Библіотекаря (Bonifacius papa obtinuit apud Phocam principem, ut sedes apostolica beati Petri apostoli caput esset omnium ecclesiarum i. e. ecclesia Romana, quia ecclesia Constantinopolitana primam se omnium ecclesiarum scribebat), дѣйствительно можно бы было сказать, что онъ игнорировался потому, что считался непріемлемымъ на востокѣ; но мы не знаемъ даже, въ какой формѣ состоялось это распоряженіе,—можетъ быть, дѣло ограничилось одною epistola отъ императора къ папѣ. Во всякомъ случаѣ не прекращавшееся и массою изученныхъ г. Бенешевичемъ списковъ номоканона засвидѣтельствованное обращеніе въ практикѣ Юстиніанова законодатель-

ства ничего не говоритъ о свободномъ церковномъ правообразованіи въ смыслѣ автора.

О субъективныхъ пріемахъ и намѣреніяхъ составителей и переписчиковъ каноническихъ сборниковъ не мѣшало бы помнить и тогда, когда рѣчь идетъ о „синтагмѣ", въ отличіе отъ номоканона. Изъ того, что нѣкоторые составители ограничивались включеніемъ въ свои сборники только каноническихъ правилъ, не слѣдуетъ, что они руководились сознательною мыслью, что они желали оградить церковь отъ вліянія императорскаго законодательства, все равно какъ нельзя напр. изъ того, что Аристинъ и Зонара писали толкованія только къ каноническимъ правиламъ, а Вальсамонъ къ каноническимъ правиламъ и законамъ, выводить, что первые двое отвергали значеніе законовъ въ церковной жизни.

Разсуждая о „синтагмѣ I редакціи", г. Бенешевичъ приводитъ *два* списка (IX—X вв.), въ которыхъ законы отсутствуютъ, и разсужденія свои заканчиваетъ слѣдующими словами: „Вѣрнѣе всего видѣть въ синтагмѣ работу частнаго, но авторитетнаго лица, выполненную повидимому задолго до 692 г... Однако, до смерти Прокліа и при его ближайшихъ преемникахъ едва ли номоканонъ могъ еще потерять значеніе (!), и потому наиболѣе вѣроятнымъ представляется думать во всякомъ случаѣ о второй половинѣ VII в. и ставить появленіе синтагмы въ связь съ дѣятельностью одного изъ патріарховъ константинопольскихъ при Константинѣ Погонатѣ въ промежутокъ времени съ 668 г. до VI вселенскаго собора" (стр. 242). Такимъ образомъ для г. Бенешевича несомнѣнно, что номоканонъ потерялъ свое дѣйствіе, только онъ не знаетъ навѣрное, когда это случилось? Не слишкомъ ли скороспѣлою явилась у г. Бенешевича эта увѣренность, и почему онъ именно царствованіе Константина Погоната считаетъ наиболѣе подходящимъ и удобнымъ для освобожденія церковнаго правообразованія отъ императорскаго вліянія? У г. Бенешевича доказывается (и очень обстоятельно), что этою синтагмой руководился трулльскій соборъ 692 г. и ея вліянію приписывается то обстоятельство, что трулльскій соборъ въ своемъ извѣстномъ 2-мъ правилѣ, исчисляя обязательные для церкви каноны, ни слова не сказалъ о законахъ. Но трулльскому собору не было и надобности говорить о послѣднихъ, такъ какъ у него рѣчь идетъ о правилахъ, установленныхъ св. отцами на соборахъ, или помимо соборовъ, и если бы онъ руководился сознательною мыслью устранить вліяніе императорскаго законодательства на церковь, то зачѣмъ же было императору Юсти-

ніану II-му подписываться, въ первую голову, подъ трулльскими правилами и употреблять всѣ усилія къ тому, чтобы заставить римскихъ епископовъ признать ихъ?

„Синтагма II редакціи“ (т. е. тотъ же типъ сборниковъ) представлена у автора четырьмя списками X—XIII в.; но изъ нихъ, какъ оказывается (стр. 253), въ одномъ имѣются „законы“. „Синтагма III редакціи“, которую авторъ называетъ „систематическою или Тарасіевскою“, относя ее приблизительно ко времени патріарха Тарасія, представлена двумя списками греческими X—XI вв. и пятью славянскими (въ томъ числѣ описанною проф. Павловымъ въ „Первоначальномъ славянорусскомъ номоканонѣ“ Московскою синодальною кормчею № 227). Эта редакція еще менѣе можетъ служить подтвержденіемъ тезиса о „свободномъ церковномъ правообразованіи“ и о принципіальномъ исключеніи изъ каноническихъ сборниковъ императорскаго законодательства. Просматривая описаніе ихъ, читатель встрѣчается съ νόμος γεωργικός, съ νόμος ναυτικός, съ coll. XCIII capp. (образовавш. изъ новеллъ, входившихъ въ сборникъ LXXXVII главъ и изъ нѣкоторыхъ другихъ), съ эклогой Льва Исавра и Константина Копронима. Г. Бенешевичъ обращаетъ вниманіе на тенденціозное опущеніе 69 правила трулльскаго собора, въ которомъ говорится, что императору, по нѣкоему древнѣйшему преданію, не возбраняется входить внутрь священнаго алтаря, когда восхощетъ принести дары Творцу,— это императорское право, по мнѣнію г. Бенешевича, при энергичныхъ императорахъ иконоборцахъ VIII и IX вв. было совершенно неудобопріемлемо на практикѣ (стр. 277). Весьма возможно, что въ опущеніи 69 трулл. выразилась личная тенденція составителя или переписчика, нерасположеннаго къ императорамъ—иконоборцамъ. Но слѣдуетъ ли отсюда, что таковъ же былъ и взглядъ церкви вообще, и что означенное правило было неудобопріемлемо на практикѣ? Вѣдь извѣстно, что при императорахъ—иконоборцахъ и іерархія, по общему правилу, была иконоборческою, и въ частности клиръ великой церкви, съ патріархомъ во главѣ, былъ тоже иконоборческимъ. Слѣдовательно, никакого практическаго препятствія не существовало для императора являться въ Софійскую церковь и вести себя, какъ подобало императорамъ. Есть извѣстіе, что Левъ Исавръ былъ отлученъ отъ церкви папой Григоріемъ II, но это отлученіе, вѣроятно, было „неудобопріемлемо“ въ византійской практикѣ, выражаясь словами г. Бенешевича. Въ I титулѣ номоканона, пока не внесено было въ него 16 правило трулльскаго собора, 30-я глава содержала въ себѣ 14-е пра-

вило неокесарійскаго собора о томъ, что діаконовъ должно быть не больше 7-ми, хотя бы и въ большомъ городѣ, и вслѣдъ за этимъ правиломъ „законъ“, или, точнѣе говоря, нѣсколько законовъ, въ которыхъ говорится, что число служащихъ въ каждой церкви опредѣляется количествомъ доходовъ церковныхъ и установившимся обычаемъ, а штатъ великой церкви въ частности долженъ составляться, по закону Юстиніана, изъ 60 пресвитеровъ, 100 діаконовъ, 20 діакониссъ (правильнѣе 40 діакониссъ), 90 иподіаконовъ, 110 чтецовъ, 25 пѣвцовъ и 100 остіаріевъ, по позднѣйшему же закону Ираклія — изъ 80 пресвитеровъ, 150 діаконовъ, 40 діакониссъ, 70 иподіаконовъ, 160 чтецовъ, 25 пѣвцовъ и 75 придверниковъ (*Pitra*, II, 477 — 478). Какая норма дѣйствовала въ VII — VIII столѣтіяхъ, по мнѣнію г. Бенешевича, — та ли, которая содержится въ неокесарійскомъ канонѣ, или та, которая содержится въ императорскихъ законахъ?

Не зачѣмъ далѣе говорить о „номоканонѣ II редакціи“, представленномъ у автора двумя рукописными кодексами X в., въ которыхъ, впрочемъ, какъ говоритъ авторъ (стр. 288), содержатся двѣ половины одного и того же списка. Въ *номоканонѣ* этомъ, какъ и слѣдовало ожидать, имѣются законы. „Синагога I редакціи“ представлена у автора однимъ спискомъ XIV в., который притомъ, по его словамъ, не изслѣдованъ имъ весь въ точности за недостаткомъ времени, и въ которомъ основная рука, въ отличіе отъ позднѣйшихъ приписокъ на поляхъ и между строкъ, пропустила даже нѣкоторыя правила изъ времени до V всел. соб. (стр. 307 и 308). Этотъ списокъ тѣмъ менѣе можетъ укрѣпить позицію автора въ занимающемъ насъ вопросѣ, что въ немъ есть coll. LXXXVII capp., можетъ быть не вся, а если и вся, то въ сокращенномъ видѣ (стр. 312). Подобнаго рода списки могутъ свидѣтельствовать только о субъективныхъ пріемахъ и о произволѣ лицъ, писавшихъ ихъ. Къ такимъ спискамъ нужно отнести и тѣ два списка, въ которыхъ содержатся, по его терминологіи „книга правилъ I редакціи“ и „книга правилъ II редакціи“ (стр. 313—321), которыя, по наблюденіямъ автора, характеризуются „независимостью въ выборѣ, расположеніи и текстѣ правилъ“.

Всего этого слишкомъ мало, для того чтобы считать доказаннымъ существованіе такого періода, когда „правообразованіе въ церкви, закрѣпленное уже въ офиціальный codex canonum, было силою обстоятельствъ освобождено отъ непосредственнаго властнаго и подчасъ грубаго вмѣшательства со стороны „благочестивѣйшихъ царей“, и когда,

съ устраненіемъ императорской власти отъ правообразованія, „сама церковь должна была принять на себя выполненіе функцій, принадлежавшихъ ранѣе актамъ императорскаго законодательства“ (функціи, принадлежавшія актамъ—едва ли удачное выраженіе). Едва ли можно согласиться съ г. Бенешевичемъ и въ томъ отношеніи, что періодъ времени VII—IX вв. былъ временемъ „не рабскаго и тупого списыванія шаблоновъ“, а временемъ „свободнаго живого стремленія къ усовершенствованію“ и „творческой работы“. Если бы это было такъ, то церковная жизнь и церковное правообразованіе на востокѣ представляли бы собою рѣшительное уклоненіе отъ общаго культурнаго состоянія, которое изображается историками византійской культуры за это время. Доказать таковое уклоненіе тѣми свѣдѣніями, которыя получаются изъ книги г. Бенешевича, во всякомъ случаѣ невозможно. На мой взглядъ, подобное предпріятіе и вообще не можетъ разсчитывать на успѣхъ. Иное дѣло — трудолюбивое собираніе матеріала для исторіи такого замѣчательнаго памятника церковнаго права, какъ номоканонъ и для исправленія его текста. Съ этой послѣдней точки зрѣнія, трудъ г. Бенешевича заслуживаетъ полнаго вниманія, и желательно, чтобы авторъ не оставлялъ начатой имъ работы.

Въ приложеніяхъ къ изслѣдованію о каноническомъ сборникѣ XIV титуловъ со второй четверти VII в. до 883 г. помѣщены: 1) схоліи къ каноническимъ правиламъ, извлеченныя авторомъ изъ разныхъ, изучавшихся имъ рукописей, 2) новый списокъ особой редакціи такъ называемаго ὅρος κανονικὸς τῶν ἁγίων ἀποστόλων съ сопровождающими его апостольскими правилами въ своеобразной редакціи, 3) перечень римскихъ юридическихъ терминовъ, встрѣчающихся въ номоканонѣ, по двумъ рукописнымъ кодексамъ, 4) имена отцовъ константинопольскаго собора 381 г. (второго вселенскаго) по двумъ патмосскимъ спискамъ, 5) отрывокъ изъ апокрифической бесѣды апостола Іакова, 6) списокъ подчиненныхъ константинопольскому патріарху митрополитовъ отъ X вѣка и 7) синоптическая таблица дополненій въ ссылкахъ XIV титуловъ на правила.

П. Суворовъ.